детельно — и вся сия верная целительница дел наших наградит тебя спокойствием душевным».⁴⁴ Идея совести, полученного от Бога знания о добре и зле открывает также статью «Примечания на Священное Писание, выбранные из сочинений славного немецкого писателя Геллерта», переведенную И. П. Тургеневым. Эта статья в третьей части «Московского ежемесячного издания» непосредственно предшествовала переводу Кутузова «Почему нехорошо предузнавать судьбу свою». Здесь также говорится о чувстве добра и зла, вложенных Богом в человека: «Ощущения позволенного и непозволенного, добра и зла, от всемогущего в человеческие сердца впечатленные, сколь ни ослабли от повреждения естественного и грехопадения нашего, но еще столь сильны, что не могут быть исторгнуты распутством и дерзостью, видимою нами в распутном человеке».⁴⁵

Образ совести неоднократно появляется на страницах «Путешествия». В «Зайцове» Крестьянкин говорит о сослуживцах, пытавшихся оклеветать его: «Несмысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от оною меня отвлечет! Сердце мое им было неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдели багровым румянцем *совести*» (С. 42). Здесь очевиден образ совести, ведущей человека к добродетели. Однако в «Спасской Полести» после рассказа несчастного следует такой возглас: «О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров? <...> Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущия казни, усугубил бы казнь настоящую и, *совесть* возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денно-ночно, доколь страданием своим не загладят все злое, еже сотворили» (С. 21—22). Нужно учесть, что рассказ несчастного, кратко описываемый его словами: «Не более недели тому назад я был весел, в удовольствии, недостатка не чувствовал, был любим или так казалось <...> Все сие блаженство определила судьба, да рушится одним мгновением» (С. 19), встает в ряд литературных произведений, связанных с проблемой теодицеи,⁴⁶ где традиционной основой сюжета являлось изменчивое счастье, ропоту на которое противопоставлялась идея непознаваемости божественного провидения. Од-

⁴⁴ Геллерт Х. Ф. Истинное и ложное счастье. Сочинение славнаго Геллерта. Перевод с иностранного. М., 1799. С. 48.

⁴⁵ Примечания на Священное Писание, выбранные из сочинений славного немецкого писателя Геллерта // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 3. С. 26—43.

⁴⁶ См.: Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб., 1998. С. 171—183; Артемьева Т. В. Вольтер и проблема теодицеи в русской философии XVIII века // Вольтер и Россия. М., 1999. С. 43—51; Вагеманс Э. Литературно-философская интерпретация Лиссабонского землетрясения: португало-франко-русская теодицея // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 111—122.